

Андрей Андреевич Горбов

Россия, Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

Семантическое калькирование и эволюция парадигм отвлеченных существительных в современном русском языке

Ключевые слова: русский язык, калька, семантическое калькирование, отвлеченные существительные, парадигма

Key words: Russian, loan translation, semantic calquing, abstract nouns, paradigm

Abstract

The paper deals with the criteria for determining semantic calques in modern Russian. Case studies show that a semantic calque can be clearly attested only when there is a pre-established translation correspondence between the words of the source language and the target language. Special attention is paid to the examples of loan translations that underlie the replenishment of formerly defective number paradigms of abstract nouns such as *продажа*, *озабоченность* and *практика*.

Не подлежит сомнению тот факт, что в период с начала 1990-х гг. по настоящее время русский язык подвергается интенсивному влиянию со стороны английского языка. Особенно широко в литературе обсуждаются многочисленные примеры лексического заимствования. Однако иноязычное влияние на русский язык не ограничивается прямым заимствованием лексики: важную роль играют и процессы калькирования, анализу которых уделяется гораздо меньше внимания.

По мнению Л. П. Крысина, недостаточное внимание к калькированию объясняется двумя факторами: во-первых, малым количеством калек в языке по сравнению с числом прямых заимствований, и, во-вторых, трудностью выявления калек ввиду отсутствия четких критериев, по которым то или иное новообразование следует считать результатом иноязычного влияния, а не процесса развития языка в соответствии с его внутренними закономерностями [Крысин 2004: 221].

С доводом о трудности выявления кáлек следует, по-видимому, согласиться. Однако основания для сравнения количества кáлек и прямых заимствований остаются неясными: возможно, впечатление малочисленности кáлек создается из-за того, что большая их часть остается невыявленной.

Наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических, а не словообразовательных или фразеологических кáлек, поскольку в этом случае никакие элементы плана выражения не дают информации о возможном структурном заимствовании. При этом представляется, что все же существуют факторы, позволяющие предполагать наличие семантической кальки с достаточно высокой вероятностью.

Механизм семантического калькирования как контактного влияния может быть описан следующим образом. Некоторая лексическая единица WL2 языка-реципиента L2 получает новое значение 'X' по аналогии с лексической единицей WL1 языка-источника L1, уже имеющей такое значение. При этом выбор именно лексической единицы WL2 для выражения значения 'X' в языке-реципиенте L2 осуществляется не произвольным образом, а на основании уже имеющейся стойкой ассоциации между этой единицей и единицей WL1 языка-источника. Основанием для такой ассоциации является установившаяся переводная эквивалентность между WL1 и WL2 в некотором значении 'X', обычно являющимся исходным значением единицы WL1 для ее производного значения 'X'. Такая эквивалентность на уровне исходного значения 'X' является, безусловно, необходимым (хотя и не достаточным) условием признания факта семантического калькирования.

Применение критерия переводной эквивалентности исходных значений лексических единиц в языке-источнике и языке-реципиенте позволяет отграничить появившиеся в русском языке рубежа XX–XXI вв. новые семантические кальки от случаев самостоятельной семантической деривации, а игнорирование указанного критерия может привести к ошибочному признанию кальками результатов самостоятельного развития у лексических единиц новых значений.

Именно такая ошибка имеет место в случае признания жаргонизма *крутой*, *круто* (*крутой парень*; *это круто!*) семантической калькой с английских прилагательных *tough* и *cool* или любого одного из них (такая трактовка представлена, например, в работах [Крысин 1996: 161] со ссылкой на [Земская, Розина 1994]; [Крысин 2000]). Легко видеть, что попытка приложить описанную выше схему процесса калькирования к переносным оценочным значениям прилагательного *крутой* (и предикатива *круто*) даст отрицательный результат: сопоставление исходных значений предполагаемых объектов калькирования и предполагаемой кальки свидетельствует об отсутствии переводной эквивалентности:

'X'_(TOUGH) = «1. (Of a substance or object) strong enough to withstand adverse conditions or rough handling [...]» [Oxford dictionaries] (1. (О материале или предмете)

достаточно прочный, чтобы выдерживать неблагоприятные условия или небрежное обращение).

‘X’_(COOL) = «1. Of or at a fairly low temperature» [*Oxford dictionaries*] (1. Характеризующийся относительно низкой температурой, имеющий место при относительно низкой температуре).

‘X’_(КРУТОЙ) = 1. Почти отвесный, обрывистый [...] || Резко изогнутый или очерченный; выпуклый [...] || Высоко поднимающийся [...] [Евгеньева 1986: 140].

Ввиду несоответствия исходного значения прилагательного *крутой* исходным значениям прилагательных *tough* и *cool* переносные значения русского прилагательного нельзя признать полученными в результате калькирования: появление у прилагательного *крутой* переносных оценочных значений ‘отличающийся особой силой, агрессивный, и впечатляющий этими качествами’ (*крутой парень*, *крутой авторитет*) и ‘производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный’ (*крутой прикид*, *крутая тачка*) является результатом самостоятельного развития семантики русского прилагательного на основе имеющихся у него зафиксированных в словаре [Евгеньева 1986] значений «Суровый, упрямый, своевольный [...] || Очень строгий, решительный, резкий» и «Проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью [...]».

Противоположный результат дает рассмотрение значения слова *цитирование* в широкоупотребительном ныне словосочетании *индекс цитирования*: в данном случае анализ дает достаточные основания предполагать наличие семантической кальки с английского языка.

Существительное *цитирование* (отсутствующее в толковых словарях русского языка) образовано по продуктивной модели от глагола *цитировать*, который, согласно словарю, имеет только одно значение – «приводить *цитату*, цитаты». У существительного *цитата* также зафиксировано лишь одно значение – «дословная выдержка из какого-н. текста» [Крысин 2010: 873]. Однако очевидно, что *индекс цитирования* означает не «показатель количества дословных выдержек», а «показатель количества с с л о к на работы автора». Таким образом, здесь реализуется значение, точно соответствующее значению английского существительного *citation*, образованного от глагола *cite* – «refer to (a passage, book, or author) as evidence for or justification of an argument or statement, especially in a scholarly work» [*Oxford dictionaries*] – «упоминать, ссылаться на (отрывок из текста, книгу, автора) для доказательства или подтверждения приведенного аргумента или сделанного заявления, особенно в научной работе». При этом немаловажен тот факт, что *cite* (наряду с *quote*) является одним из основных, наименее контекстно-обусловленных, словарных переводных эквивалентов глагола *цитировать*. Кроме того, в данном случае при выборе одного из двух словарных соответствий играет роль и факт ясно осознаваемого этимологического родства *cite* и *цитировать*.

Вряд ли можно усомниться в том, что новое значение (не связанное с приведением именно дословных выдержек) у слов *цитировать*, *цитирование*, *цитируемый* является продуктом калькирования именно с английского языка: однозначно в пользу такого решения говорит время появления этого значения (по Национальному корпусу русского языка – в текстах, созданных не ранее 1994 г.), тематика текстов, в которых эти слова появляются в новом значении (в первую очередь – наука и технологии), а также то, что коллокация *индекс цитирования* является прямым переводным эквивалентом английской коллокации *citation index*.

Аналогичным образом определяется факт семантического калькирования в случаях употребления некоторых абстрактных существительных – *продажа*, *озабоченность*, *практика* и др. – во множественном числе: *повысить объемы продаж*, *снять озабоченности сторон*, *типы потребительских практик* и т. п. Такому употреблению в значительной степени способствует появление у этих слов новых значений, калькированных с английского языка.

В частности, подавляющее большинство употреблений форм множественного числа лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений ‘количество проданных товаров, объем товарооборота’ и ‘сбыт продукции как направление коммерческой деятельности’, не зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной лексемы в результате семантического калькирования с английского языка, где эти значения реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях [напр., *Oxford dictionaries*]. Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь за счет новых значений, появившихся у лексемы *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования. При этом следует отметить, что предположение о калькировании лишалось бы всякого основания, если бы не наблюдалось переводной эквивалентности между словами *sale* и *продажа* на уровне их исходного значения ‘Х’ – ‘действие по глг. продать-продавать’ [Евгеньева 1987: 478] и ‘the action of selling something’ [*Oxford dictionaries*].

Подробный анализ динамики развития числовой парадигмы слова *продажа* содержится в статье [Горбов 2013]. Приведем здесь лишь примеры употребления форм мн. ч. этого существительного в указанных выше калькированных производных значениях:

- (1) **Продажи** галстуков упали вдвое по сравнению с 1995 годом [Национальный корпус...].
- (2) Директора по **продажам**, по маркетингу, финансам – все это сегодня вполне женские профессии [Национальный корпус...].

В принципе аналогичная ситуация наблюдается с формами мн. ч. лексем *озабоченность* и *практика*, отсутствующими в текстах, созданных ранее

середины 1990-х гг. В отличие от числовой парадигмы существительного *продажа*, ставшей реально дефектной к началу 1930-х гг. и в полной мере восстановившей полноту в 1990-е гг. [см. Горбов 2013], числовые парадигмы лексем *озабоченность* и *практика*, согласно данным корпуса [Национальный корпус...], были дефектными на всем протяжении существования этих слов в русском языке до конца XX в., и их формы мн. ч. впервые вошли в узус лишь в 1990-е гг.: первое употребление формы мн. ч. существительного *озабоченность*, зафиксированное в основном корпусе [Национальный корпус...], относится к 1998 г., формы мн. ч. существительного *практика* – к 1996 г. Развитие полных числовых парадигм у этих слов является прямым последствием появления у них новых значений в результате семантического калькирования.

Так, существительное *озабоченность* помимо ранее имевшегося у него значения «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [Евгеньева 1986: 601] в последнее десятилетие XX в. приобрело новое значение – ‘повод для беспокойства; проблема, вызывающая особую тревогу’, в котором употребляется как исчисляемое существительное с полной числовой парадигмой, например:

(3) Сняты ли все **озабоченности** России относительно третьего энергетического пакета? [Национальный корпус...].

Указанное значение появилось у лексемы *озабоченность* в результате семантического калькирования с английского существительного *concern*, стандартным переводным эквивалентом которого в русском языке, особенно в дипломатическом дискурсе, является существительное *озабоченность*. В связи с этим следует отметить, что в основном корпусе [Национальный корпус...] значительная доля вхождений лексемы *озабоченность* в текстах, созданных после 1990 г., приходится именно на тексты по проблемам международных отношений. По данным корпуса, доля употреблений форм мн. ч. рассматриваемой лексемы составляет в текстах 2001–2005 гг. 22,3% (100 из 448 вхождений за указанный период); в текстах же 1981–2000 гг. этот показатель составляет всего 1,9% (2 из 207 вхождений), а в текстах до 1980 г. употреблений форм мн. ч. этого существительного в корпусе [Национальный корпус...] не зафиксировано.

В настоящее время такое употребление вышло за рамки дипломатического дискурса и стало достаточно частотным в текстах широкой общественно-политической тематики, ср.:

(4) Одна из главных проблем – это инфляция. За последние восемь месяцев она вновь вышла на первое место в рейтинге общественных **озабоченностей** [Национальный корпус...].

В данном случае гипотеза о семантическом калькировании также представляется вполне обоснованной, поскольку имеется переводная эквивалентность на

уровне исходного значения, и механизм развития нового переносного значения у существительного *озабоченность* укладывается в описанную выше схему:

Язык-источник (L1) – английский; WL1 = *concern*

Язык-реципиент (L2) – русский; WL2 = *озабоченность*

Исходное значение: ‘X’_(CONCERN) = «anxiety, worry» [*Oxford dictionaries*] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [Евгеньева 1986: 601]. Согласно данным переводных словарей [Апресян, Медникова 1993–1994; Ермолович, Красавина 2008], прилагательное *concerned* является одним из основных переводных эквивалентов прилагательного *озабоченный*; что касается переводных эквивалентов самого существительного *concern*, в качестве таковых приводятся лишь синонимы *беспокойство, забота, тревога*, однако в *Новом большом англо-русском словаре* [Апресян, Медникова 1993–1994] слово *озабоченность* употребляется в примерах переводов коллокаций: «to express deep [concern] – выражать большую озабоченность; to cause [concern] – вызывать беспокойство (тревогу, озабоченность)». В данном – исходном – значении существительное *concern*, как и русское *озабоченность*, является неисчисляемым.

Производное значение: ‘X’_(CONCERN) = «A cause of anxiety or worry» [*Oxford dictionaries*] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «повод для беспокойства или тревоги» (в словарях не зафиксировано). В этом значении существительное *озабоченность*, так же как и *concern*, является исчисляемым и имеет полную числовую парадигму. Следует отметить, что в данном случае имеет место вполне естественный метонимический перенос, и в принципе новое значение могло бы развиваться без иноязычного влияния, однако условия появления этого значения (в частности, тот факт, что новое значение фиксируется прежде всего в текстах одной из тематических групп, в наибольшей степени подверженных влиянию английского языка) свидетельствуют об обратном. При этом обязательной предпосылкой семантического калькирования переносного значения является, как и в других рассмотренных случаях, переводная эквивалентность на уровне исходного значения.

Существительное *практика* также становится исчисляемым в новом значении ‘обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур’, и, несмотря на наличие в соответствующей статье словаря [Крысин 2010] ограничительной пометы «мн. нет», в начале XXI в. начинает употребляться в формах мн. ч., например, в коллокациях *потребительские практики, эзотерические практики, социальные практики, сексуальные практики, речевые практики* и т. п., ср.:

(5) Однако Высоцкий не знал необходимых духовных **практик**, и прежде всего – практики смирения, добровольной бедности и упования на Бога [Национальный корпус...].

(6) Во-первых, социальные **практики** приводят к изменению качества жизни [Резник 2008].

Точная количественная оценка роста частоты употребления форм мн. ч. по Национальному корпусу русского языка в данном случае затруднена омонимией не только падежно-числовых форм лексемы *практика*, но и их омонимией с формами лексемы *практик* ('работник, который хорошо изучил свое дело на практике' и 'практичный, деловой человек' – толкования по словарю [Крысин 2010]). Значительно проще произвести такую оценку только для случаев употребления рассматриваемой лексемы в сочетаниях с зависимыми прилагательными в препозиции, задав в критериях лексико-грамматического поиска соответствующие флексии прилагательных женского рода и исключив таким образом попадание в выборку большей части омонимичных форм слова *практик*. Согласно результатам поиска в основном корпусе Национального корпуса русского языка [Национальный корпус...], случаи употребления лексемы *практика* во множественном числе в сочетании с зависимым прилагательным в текстах, созданных до начала XXI в., отсутствуют: наиболее ранний по времени создания текст, содержащий такое сочетание, относится к 2002 г. (в газетном корпусе, где представлены тексты, созданные не ранее 2000 г., первый по времени создания текст с таким употреблением рассматриваемой лексемы датируется 2001 г., причем общее количество примеров такого употребления в газетном корпусе почти вдвое больше, чем в основном, что ясно указывает на путь проникновения данной инновации). Таким образом, расширение семантики слова *практика* в результате появления у него переносного значения (метонимия: деятельность → вид деятельности) и, соответственно, восполнение числовой парадигмы этого существительного следует, по-видимому, рассматривать как новейшее явление, имеющее место в контексте общего усиления контактных влияний со стороны английского языка.

Представляется, что появление у существительного *практика* указанного переносного значения является результатом семантического калькирования с английского *practice*, имеющего в соответствующем значении ('the customary, habitual, or expected procedure or way of doing of something' [Национальный корпус...]) полную числовую парадигму, ср. следующие примеры, взятые из Корпуса современного американского варианта английского языка [Corpus...]:

- (7) Cross-culturally, the posture of standing meditation ... is used in the martial arts, **spiritual practices**, and in the military as a way of reinforcing and coalescing the three universal powers and of connecting with the greater being of who they are [Corpus...].
- (8) Thus, discourses exist both in written and oral forms and in the **social practices** of everyday life [Corpus...].

В качестве примеров (7) и (8) из корпуса специально выбраны предложения, содержащие коллокации *spiritual practices* и *social practices*, переводными эквивалентами которых являются употребленные в примерах (5) и (6) коллокации с формами мн. ч. существительного *практика*; при этом

намеренно подбирались примеры из текстов, созданных в начале 1990-х гг. (в корпус [Corpus...] включены тексты, созданные в период с 1990 г. по настоящее время).

Приведенные соображения подтверждают гипотезу о том, что формирование нового значения у слова *практика* так же, как и в описанных выше случаях, происходит на основе устоявшейся переводной эквивалентности (*practice* = *практика*), причем результатом действия механизма калькирования и расширения семантического спектра леммы *практика* в русском языке является восполнение числовой парадигмы этого существительного за счет употребления форм мн. ч. в стандартном вторичном значении этой грамеммы – «видовом множественном» (о вторичных значениях граммем числа см. [Плунгян 2003: 281–283]).

* * *

Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что семантическое калькирование представляет собой один из важнейших языковых механизмов контактного влияния, активно используемых языком-реципиентом для расширения семантического потенциала имеющихся лексических единиц за счет значений, имеющихся у их словарных эквивалентов в языке-источнике. Действие данного механизма иногда также способствует изменениям в грамматике языка: например, именно семантическое калькирование является катализатором процесса восполнения числовых парадигм абстрактных существительных. При этом факт семантического калькирования достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, являющееся источником нового значения для некоторого слова языка-реципиента, является словарным переводным эквивалентом слова воспринимающего языка на уровне исходного значения, которое служит основой для переноса наименования в языке-источнике.

Литература

- Апресян Ю., Медникова Э. (ред.), 1993–1994, *Новый большой англо-русский словарь*, Москва: Русский язык.
- Горбов А., 2013, Об эволюции парадигмы существительного *продажа*, *Русский язык в научном освещении*, № 2 (26), с. 151–165.
- Евгеньева А., 1986, *Словарь русского языка*, т. 2, Москва: Русский язык.
- Евгеньева А., 1987, *Словарь русского языка*, т. 3, Москва: Русский язык.
- Евгеньева А., 1988, *Словарь русского языка*, т. 4, Москва: Русский язык.
- Ермолович Д., Красавина Т., 2008, *Новый большой русско-английский словарь*, Москва: Русский язык – Медиа.
- Земская Е., Розина Р., 1994, О словаре современного русского жаргона: Принципы составления и образцы словарных статей, *Русистика* [Берлин], № 1–2, с. 96–112.
- Крысин Л., 1996, Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [в:] Е. Земская (ред.), *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва: Языки русской культуры, с. 142–161.

- Крысин Л., 2000, О некоторых изменениях в русском языке конца XX века, *Исследования по славянским языкам* [Сеул], № 5, с. 63–91.
- Крысин Л., 2004, *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва: Языки славянской культуры.
- Крысин Л., 2010, *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва: ЭКСМО.
- Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru/>; дата обращения: 7.04.2014.
- Плунгян В., 2003, *Общая морфология: Введение в проблематику*, Москва: Едиториал УРСС.
- Резник Ю., 2008, Человек и его социальные практики [в:] М. Киселева (ред.), *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*, вып. 2, Москва: ИФ РАН, с. 86.
- Corpus of Contemporary American English, <http://corpus.byu.edu/coca/>; дата обращения: 7.04.2014.
- Oxford dictionaries*, <http://oxforddictionaries.com/>; дата обращения: 7.04.2014.